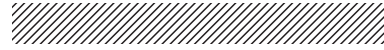

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово от переводчика	7
Вступление. Задыхаюсь!	13
1. Лети, мой корабль...	17
2. Протяни друзьям руку помощи	32
3. Крепкий эль и снотворное	53
4. Таинство священства	73
5. Чертов жмот!	90
6. Супермен в шубе	117
7. Вкус кожи на губах	132

8.	Командовать у себя дома будешь!	148
9.	Дырка в стене	166
10.	Поездка в Финикс	186
11.	Люблю мужчин в форме	196
12.	Оно, конечно, здорово, но зачем же стулья ломать?!	211
13.	Любовь нечаянно нагрянет!	228
14.	Король Филадельфии	244
15.	Запах пороха	266
16.	Попсовики-затейники	283
17.	А судьи кто?	301
18.	Язык мой — враг мой!	325
19.	Стук в дверь Шэрон Тейт	346
20.	Боже, храни королеву	371
21.	Не верю!	395
22.	Огневая мощь хеви-метала	408
Эпилог.	Вечно буду глотку драть	427
	Хвала моим братьям по металлу.	439

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Приветствую тебя, дорогой читатель!

Неважно, являешься ты поклонником хеви-метала или же у тебя просто возник интерес почитать очередную автобиографию музыканта — эта книга не оставит тебя равнодушным!

Новость о том, что мой любимый вокалист в хеви-метале, Роб Хэлфорд, выпустит автобиографию, я воспринял с большим энтузиазмом. Этот человек является для меня олицетворением тяжелого металла и одним из истинных первопроходцев жанра, голосом целого поколения. Сможете назвать еще хоть *одного* вокалиста с похожей манерой пения? Сомневаюсь.

Являясь в первую очередь преданным фанатом тяжелой музыки (уже 24 года) — а потом только профессиональным переводчиком, — я не мог упустить возможность взяться за перевод этой замечательной книги, потому что

очень хорошо знаком с творчеством группы Judas Priest и испытываю огромное уважение к Робу Хэлфорду. Разумеется, такая книга должна быть у каждого уважающего себя металхеда, и наша страна не стала исключением. Далеко не все знают английский язык, но хотят прочитать про увлекательную жизнь одного из величайших фронтменов современности. Теперь же появилась такая возможность!

Книга будет интересна не только поклонникам творчества музыканта, но и тем, кого интересует жизнь Хэлфорда вне сцены, его переживания, борьба с демонами и искрометный британский юмор. Несмотря на то что в книге есть несколько пикантных и откровенных моментов, грязи вы здесь не найдете — Роб повествует в приятной дружеской манере. Ощущение, что сидишь с ним на кухне и за чашкой чая он рассказывает тебе о своей жизни. Искренне сопереживаешь ему, вместе с ним смеешься, грустишь, радуешься и плачешь — целая палитра чувств и эмоций. словно смотришь многосерийный фильм о жизни человека.

Именно *так* я себя и ощущал, проведя за книгой несколько месяцев, периодически забывая про сон и мир вокруг, поскольку книга невероятно затягивает и оторваться действительно невозможно. Каждое слово и предложение я пропускал через себя и переживал вместе с Робом, поскольку знал, что перевод столь монументальной автобиографии не должен уступать оригиналу. В процессе работы я пересмотрел десятки интервью Роба, снова перечитал для полноты картины еще две книги про группу и старался мысленно присутствовать при всех описанных событиях.

Могу без преувеличения сказать, что это *лучшая* автобиография, которую я читал, а их наберется несколько десятков. Очень рад и выражаю огромную благодарность издательству, что книга попала в руки именно мне. За последние 10 лет я перевел около 3000 статей про различных

музыкантов, группы и брал интервью для ведущих российских рок-журналов, поэтому опыт работы в этой тематике, безусловно, имеется, отчего перевод в конечном итоге только выигрывает.

У Хэлфорда получилась действительно откровенная биография, без прикрас. Лично мне очень понравилось минимальное описание процесса создания альбомов, о чем можно почитать в сотнях рок-журналов и статей о группе.

Название «Моя исповедь», которое выбрал Роб, идеально описывает книгу — бог металла действительно исповедуется и выворачивает перед читателем душу наизнанку. Когда видишь его на сцене, кажется, что он — мировая рок-звезда огромной величины. Так и есть. Но, прочитав книгу, понимаешь, что Роб — обычный живой человек со своими переживаниями и израненной душой, который мало чем отличается от нас с вами.

Long live Judas Priest!

*Станислав Ткачук,
переводчик и научный редактор книги*

В своих мемуарах я предельно откровенен.
Это моя святая истина, но других
обнажать душу я просить не вправе.
Некоторые имена и детали в книге изменены,
Чтобы не почувствовал вину тот, кто виновен.

ВСТУПЛЕНИЕ

ЗАДЫХАЮСЬ!

Начало 1960-х. Будний день. На часах половина девятого утра. Пора в школу. Говорю маме: «Бывай» — и незаметно ускользаю на улицу. Выхожу через ворота, иду до конца улицы, поворачиваю налево на Дарвин-роуд. Прохожу немного вперед, направо, делаю глубокий вдох... и перехожу канал.

Со стороны канала стоял огромный литейный завод имени братьев Томас¹, напоминавший преисподнюю. Благодаря таким заводам Черная страна² в период промышленной революции

¹ G. & R. Thomas Ltd. (Джордж и Ричард Томас — владельцы завода). Здесь и далее — *прим. пер.*

² Район Центральной Англии (Уэст-Мидлендс), расположенный между городами Вулверхемптон и Бирмингем. В XIX веке это была область концентрации горнодобывающей и металлургической промышленности. Черная страна обязана

получила свое название: ужасный, тошнотворный и вонючий свинарник, в котором проводили будни местные работники из Уолсолла¹.

В годы моего детства он гудел, громыхал и сутками напролет источал зловещую вонь. Потребовалось бы слишком много времени и огромные затраты, чтобы остановить гигантские доменные печи, а утром запустить заново, поэтому завод никогда не прекращал свою работу. Отходы и токсины, которые он изрыгал, были просто невыносимыми.

Эти металлургические заводы оказали огромное влияние на обстановку в городе, где я жил, и на то, *как* я жил. В день стирки мама вывешивала наши белоснежные простыни на веревку, а заносила испачканными серо-черной сажей и копотью. Я сидел и писал за школьной партой, которая вибрировала под ритмы гигантского парового гладильного пресса на заводе, расположенном через дорогу:

БУМ! БУМ! БУМ!

Иногда по дороге в школу я видел силуэты местных работяг, выливающих содержимое гигантских доменных печей из котла в бункер для песка. Расплавленный металл вытекал, словно лава, и тут же затвердевал, превращаясь в огромные слитки чугуна.

Чугун. Какое мерзкое и безобразное слово!

Ежедневный путь в школу был настоящим испытанием на выносливость, и я не всегда был уверен, что выживу. Удушающая гарь, которая клубилась вокруг завода и над

своим названием загрязнению воздуха, которое покрыло всю область слоем черной сажи. Но после упадка пейзаж, сформировавшийся в результате промышленной революции, исчез.

¹ Уолсолл — город в Великобритании, расположенный к северо-востоку от Бирмингема и к востоку от Вулверхемптона.

каналом, была ужасно токсичной. Если ветер дул не в том направлении — а казалось, так всегда и было, — мелкие песчинки, попавшие в смог, летели прямо в глаза и оставались там несколько дней. Боль была невыносимой.

Я всегда говорил, что почувствовал запах и вкус тяжелого металла еще до того, как изобрели эту музыку...

В общем, я делал глубокий вдох, прижимал к себе портфель и как можно быстрее пробежал через мост. В дни, когда смог с примесью гари был настолько густым, что казалось, его можно разрезать, мозг охватывала паника, и он бунтовал против сурового испытания:

«Я задыхаюсь!»

Но я почему-то *ни разу* не задохнулся и всегда перебежал на другую сторону, даже если кашлял и захлебывался гарью. Затем, когда шел домой после обеда, предстояло сделать то же самое еще раз. Я привык. Такой была жизнь в Черной стране.

За жизнь было немало ситуаций, когда я чувствовал, что задыхаюсь. Годы клаустрофобии, отчаянья — долгие годы! — когда я чувствовал себя в заточении: я — вокалист одной из величайших хеви-метал-групп на планете, но все же слишком боялся признаться миру в том, что я — гей. Лежал всю ночь, не смыкая глаз, беспокоясь и мучаясь вопросом:

*А что бы случилось, если бы я признался?
Все наши фанаты отвернулись бы от нас?
Judas Priest настал бы конец?*

////////////////////////////////////
**Когда задыхаешься,
можно закончить именно
так, если наплевать
на себя, а я был на грани:
деструктивный образ
жизни чуть не угробил
меня. Я даже пытался
покончить с собой.
Но выжил. Увидел
свет в конце тоннеля.
Сделал глубокий вдох
и перебежал этот мост
через канал.**
////////////////////////////////////

Страх и тревога чуть не довели меня до ручки. Было тяжело дышать, когда я погряз в этой помойной яме алкоголизма и наркозависимости. Было тяжело дышать, когда я разрывался между отношениями с двумя мужчинами, которые оказались натуралами. Но самый тяжелый день был, когда мой многострадальный парень обнял меня на прощание... а через несколько минут после моего ухода поднес пистолет к виску. И нажал на спусковой крючок.

Когда задыхаешься, можно закончить именно *так*, если наплевать на себя, а я был на грани: деструктивный образ жизни чуть не угробил меня. Я даже пытался покончить с собой. Но выжил. Увидел свет в конце тоннеля. Сделал глубокий вдох и перебежал этот мост через канал.

Сегодня я чист, трезв, влюблен, счастлив... и мне неведом страх. Я честен перед самим собой, а это значит, что ничто и никто не сможет сделать мне больно. Я напоминаю себе рок-версию своего очень загадочного кумира детства: Квентина Криспа (он появится в книге позже). *Я — величавый гомик хеви-метала.*

Я придумал идеальное название для своих мемуаров: «*Моя исповедь*». Как нельзя кстати. Потому что, поверьте мне, этот продажный «священник» грешил, грешил и снова грешил, но теперь настало время исповедоваться... и может быть, даже получить ваше благословение.

Так давайте же помолимся.

Исповедь — это история о том, как я снова научился дышать.

Лети, мой корабль...

Жили мы в доме на Бичдэйл Эстейт¹.

И там было хорошо.

После Второй мировой войны британцы отплатили Уинстону Черчиллю за его старания, дав пендаль под зад и выбрав правительство лейбористов. И власти быстренько разработали масштабную социалистическую программу по постройке сотни тысяч новых государственных домов, чтобы компенсировать послевоенную нехватку жилья.

Под руководством премьер-министра Клементы Эттли и министра здравоохранения Эньюрина Бивена по всей стране начали появляться районы массовой застройки, чтобы заменить разрушенные во время войны дома и обеспечить

¹ Первоначальное название — Джипси-Лейн Эстейт. Район жилой застройки, заселенный преимущественно в 1950-е и 1960-е годы.

британские семьи рабочего класса хоть каким-то жильем. И самой типичной застройкой был район Джипси-Лейн Эстейт в Уолсолле, который вскоре переименовали в Бичдэйл.

Бичдэйл был построен в пятнадцати минутах ходьбы от центра Уолсолла и 16 километрах к северу от Бирмингема. Этот новый залитый светом район в начале 1950-х находился на заброшенной промышленной территории. Первые двадцать лет жизни место это было для меня суровым испытанием; средоточием моего мира, надежд, мечтаний, страхов, триумфов и провалов. Но, как это ни странно, родился я не там.

После того как в марте 1950-го мои родители, Джоан и Барри Хэлфорд, поженились, они жили с родителями мамы в Бёрчиллс, Уолсолл. Это был крошечный домик, и когда мама забеременела мной, они с моим отцом переехали к ее сестре Глэдис. Глэдис с мужем Джеком жили в Саттон-Колдфилде, по дороге в Брум (как называют Бирмингем жители Черной страны).

Я родился 25 августа 1951 года, и меня нарекли Робертом Джоном Артуром Хэлфордом. Имя Артур передавалось в нашей семье по наследству: это было отчество отца и имя деда (отчество у деда было — Флэйвел; рад, что не унаследовал его!).

Сестренка Сью родилась на год позже, и родителям дали муниципальное жилье на Личфилд-роуд в Уолсолле. Затем, в 1953-м, семья переехала на Кевин-роуд, 38, в дом на Бичдэйл Эстейт.

Крепкие, из красного кирпича дома рядовой застройки и сдвоенные дома были самыми обычными, какими и должны быть британские муниципальные жилые дома, но, как и во многих жилых помещениях эры Бивена, в них присутствовал некий идеализм. Они были больше минимального размера, положенного по государственному законодательству, и рядом даже был свой палисадник и задний дворик.